

**ВАЛЕНТИН
ПАМПУРА**

**СБОРНИК
КОРОТКИХ
РАССКАЗОВ**

Валентин Валерьевич Пампура

Сборник коротких рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64757921

Издательство «Эксмо»;

Аннотация

Жизнь гораздо проще чем, кажется. Главное видеть её такой, какая она есть. Сборник жизненных и легких рассказов о любви и отношениях. Содержит нецензурную брань.

Небольшая история. Гроза.

Дон медленно плыл среди зеленых плавней и белых песков. Солнце стекало с неба, приятно согревая кожу.

Они лежали на песчаной отмели, подставив свои тела под яркое июньское солнце. Слабый ветерок ласкал волосы, а маленькие песчинки сверкали на загорелой коже.

—Ой, смотри, Богомол.

—Ну-ка дай я его...

—Нет, не трогай его.

—Почему?

—Он за всех молится.

—Танька, ты, когда повзрослеешь?

—А тебе бы поумнеть не мешало. Двадцать скоро, а ты как был дураком, так и остался.

—Ах, я дурак, ну, держись.

—Славка нет... — Он поднял ее и понес к воде. Яркими брызгами радуга вспыхнула над ними. Окутывая их ореолом, как окутывают ореолом на иконах святых. Уже потом когда вода стекала с волос, а они опять сидели на отмели она сказала.

—Я ж говорю дурак. Зачем было волосы мочить.

—Ну, прости. — Он обнял ее.

—Слава нет.— Но он не слышал ее, он припал к ней, как припадают к чистому источнику, наслаждаясь каждой кап-

лей, свежей родниковой воды. Плавни качались над ними шелестя свежей молодой листвой.

Уже потом когда жара спала и теплая июньская ночь забрызгала все небо звездами, они сидели на скамейке вдыхая запах ночных цветов. Она спросила.

—Слав, а ты меня любишь?

—Да.

—Что значит да?

—Ну, люблю.

—Слава я спрашиваю, ты меня, по настоящему, любишь?

—По самому настоящему.

—А ты хочешь, чтобы у нас появился маленький?

—Ты что залетела?

—Дурак, ты Славка. — Она отвернулась от него.

—Ну, прости, я подумал, может ты, беременна?

—Нет. А ты бы хотел?

—Не знаю.

—Что ты вообще знаешь? Я ж говорю, дурак ты еще совсем. Ладно, иди домой. Я спать пойду, завтра вставать рано.

—Можно я останусь.

—Ага, сейчас отец проснется он тебе останется.

—Ну, давай еще посидим.

—Нет спать. Четвертый час уже.

—

Солнце сверкало в спицах велосипеда. Славка катил по

сухой колее, раскручивая педали и подпрыгивая на кочках. Возле Таниного двора он нажал на тормоз и резко повернул, подняв пыль задним колесом.

–Че пылишь?

–Здравствуйте дядя Боря. Танька дома?

–Дома сейчас кликну. Мать, зови Таньку, полуночник явился. – Он вонзил топор в пень и пошел к Славке. – Ну, че Славка, когда свадьбу будем играть.

–Так это, какую свадьбу, дядя Боря?

–Как, какую? Ты мне это, того, не увиливай. Кто с Танькой до утра просиживает? Вон весь сенник помяли а, думаешь, я не знаю.

–Так мы это, ничего дурного...

–Ладно, заливать то. Я еще из ума не выжил.

Калитка скрипнула, вышла Танька.

–Привет. Чего тебе?

–Так зашел.

–Ишь ты, так он зашел. Купец за товаром пришел.

–Папа хватит уже.

–Тоже мне хватит. Смотрите, у меня как бы поздно не было. – Мать со двора. – Че, ты к детям привязался старый, без тебя разберутся. Марш домой дрова вон не колоты. – Я все вижу. – И он нехотя пошел на двор. – А шо мать, может мне, помощник нужен. Вот был бы зять сейчас бы, в миг, дрова

накололи.

-Пойдем на реку?

-А ты что не на работе?

-Да у меня трактор сломался, а запчасть только завтра привезут. Я отгул взял.

-Ладно, сейчас. Мам я на реку схожу.

-А борщ кто будет варить?

-Так суп же еще есть.

-Какой суп его уже жмых доедает. Вон, аж за ушами третит.

-Ладно, я быстро, приду и сварю.

-Иди, что с тобой делать. Смотрите, гроза будет.

-Да какая гроза, на небе ни облачка.

-

- Они шли вдоль реки. Ноги погружались в горячий песок. Песок просачивался сквозь пальцы, приятно обжигая их. Вода сверкала на солнце, покачивая белые кувшинки.

-Смотри, там в дали. Небо как будто соединяется с землей. Видишь...

-Ну...

-А как ты думаешь, что там за этой линией?

-Трасса.

- Я не об этом. Что там за трассой.

-А, в этом году кукурузу посадили, а в прошлом подсол-

нечник сеяли. Но его по краю проезжающие поломали.

—Славка, ну какой же ты...Ну, хорошо, трасса вот она уходит туда вдаль и теряется за линией горизонта.

—Нигде она не теряется. В город она приходит.

—Ну, вот смотри. Мы с тобой идем, а река тоже идет. Откуда она, куда и где она протекала, разве не интересно?

—Ну, это я знаю, нам в школе рассказывали. Дон берет свое начало с ручья Урванка. Дон это большая судоходная река...

—Я не про это.

—Ну, а что еще? А у меня, дядя по дону баржу водит. Он меня как то в рейс брал. Знаешь как классно. Плынешь себе, а вокруг разные берега станицы, а еще там готовили вкусные макароны по-флотски.

—Ну, вот видишь как интересно. Разве тебе не хотелось бы узнать, что там дальше. Пройти по реке до конца, увидеть все своими глазами?

—Я тракторист, я работаю на земле. Зачем мне это?

—Ладно, проехали.

Маленький, зеленый богомол, сложив лапки на груди, покачивался на тонком стебельке.

—Смотри, он как будто молиться.

—Чуманеет он от жары, а не молится.

—Нет, смотри, он лапки сложил и покачивается в такт молитве. А если прислушаться, слышишь?

–Что?

–Музыка такая напевная тягучая...

–То у меня в животе урчит...

–Дурак, ты Славка.

–Че дурак, то после купания знаешь, как есть хочется.

–Банан будешь?

–Не, я борща хочу.

–Нет борща, не наварила еще.

–Ну, я ж не в претензии, я так просто сказал.

Свежий ветерок прошелестел листвой и пропал.

–Слав, а ты думал, как мы с тобой жить будет.

–Известное дело, хорошо. Дом поставим, детей нарожаем.

–Детей это хорошо. А что мы делать с тобой будем?

–Ну, так ведь, это разное. – И Славка потянулся к ней.

–Нет, я не про это. Я вообще, о жизни.

–Жизнь длинная разберемся.

–Да разберемся. – Снова пролетел ветерок и сорвал стрекозу с камыша. – Слав, а если не разберемся?

–Тань, ты сегодня какая то странная. Я тебе говорю, что я разберусь.

–Да уж, ты разберёшься?

–А что это значит: « Да уж» Ты, что мне не веришь. Я между прочим, когда к тебе этот студент лип разобрался.

–Да разобрался. Кулаками махать ты горазд. Но ведь на кулаках жизнь не построишь.

—А на чем ее построишь? Ты если говоришь, говори прямо. А то ходишь кругами, как будто я дурак, а ты тут одна умная.

Ветер пронесся по дороге, поднимая клубы пыли. Небо заволокло тучами.

—Хочешь прямо. Хорошо. Скажи, ты, когда хоть раз, ду-мал, о чем ни будь, кроме как пожрать, поспать и заняться сексом?

—Думал. Распредвал на тракторе полетел, а у меня работы не меряно. А ты тут еще со своими заворотами. Голова от них уже пухнет.

Сверкнула молния. Гром прокатился по небу и затих как заглохший трактор. Первые, большие капли ударились о землю поднимая пыль. Скоро их стало много, и они захлестали по земле, превращая ее в черную, скользкую жижу.

—Да ты кроме своего трактора не видишь ни чего. Все, что ты видишь вокруг себя это борщ, секс и этот твой как его вал. Как можно так жить в машинном масле, кукурузе и подсолнечнике. И когда я обо всем этом думаю, я понимаю, что я в этом жить не смогу.

—Ну да конечно тебе бы лучше было бы со студентом. И что я дурак, помешал вам.

—Может быть и лучше, может быть, и надо было с ним.

—Ну, так скатертью дорога.

—Ну и пока. — Она повернулась, но ноги поехали по черной жиже, и Танька упала в лужу.

—Давай помогу. — Он протянул ей руку.

—Не надо, я останусь здесь, простыну и умру на дороге. — Славка попытался ее поднять, но сам растянулся в грязи. Он лежал с черным от грязи лицом и только белки глаз сверкали как у негра. Танька рассмеялась.

—Не смешно. Он попытался встать и снова упал. — Танька покатила от смеха. Она смеялась, а Славка все пытался встать, но снова падал. Вдруг она перестала смеяться, посмотрела на Славку и сказала — Знаешь, я беременна. Славка застыл, лицо его вытянулось, глаза некоторое время выражали недоумение. Пока, наконец, осознание произошедшего события, не пришло к нему.

—Так, что ж ты тут разлеглась. Тебе ж нельзя. — Он встал, поднял ее на руки и понес по раскисшей от дождя дороге. — Ты главное, это, не простынь. А я если хочешь, к дядьке на буксир пойду. Будем плавать, где хочешь.

—Кем же ты будешь там?

—Ну, знаешь, у буксира тоже мотор есть. Буду мотористом. Знаешь, когда мотор заведешь, он с тобой разговаривает. Если он работает ровно, это значит все хорошо, и он тебе говорит спасибо. Ну а если с перебоями значит что, то не ладно, и нужно его лечить. Ну, мало ли он еще чего говорит, только

вот не все слышат.

—Какой ты у меня тонко чувствующий. — И она прижалась к его колючей щеке.

Родя.

Дождь, крупными каплями падал на землю, разлетаясь мелкими брызгами. Родя стоял под дождем. Втянув шею и подняв плечи, он морщился от воды. Она ручьями, бежала, за воротник. Дождь усиливался, а Родя стоял без движения. На балкон вышла соседка.

—Родя, милый, иди домой. Не смейши людей. — Родя не шевелился. — Родя я до тебя обращаюсь. А если я до тебя обращаюсь, значит, имею, что тебе сказать. Так вот я тебе говорю, Родя иди домой.

—Да оставь ты его в покое. Пусть стоит, если ему так хочется. Может уже заболит, и одним дураком будет меньше в нашем дворе. — Дверь захлопнулась, и соседка исчезла за занавеской. Родя остался стоять.

Темнело. В окнах загорался свет. В окне на втором этаже свет не зажигали, но Родя знал, что она там. Иногда ему казалась, что стройный силуэт стоит за занавеской, но сказать с уверенностью было нельзя. Может быть просто ему хотелось, что бы она там стояла.

–Родя – Снова высунулась соседка – Если ты сейчас же не снимешься с якоря, я вызову стражей порядка. И остаток ночи ты прстоишь в обезьяннике.

–Родя – Выглянул сосед – Я тебя умялю, канай отсюда по добру по здорову. Потому, что если моя Рая будет так волноваться из-за тебя, клянусь, я что ни будь, с тобой сделаю.

–Слушайте, многоуважаемые вы мои. Дайте вы мне уже спать.

– Ой, ты, боже мой. Да на шо вам спать. Вы и так скоро уснете вечным сном.

–Я вам очень благодарен за добрые пожелания и вам того желаю. Но все-таки, каждый человек имеет право на отдых. Даже такой как вы.

–Да разве я против. Да, этот Ромео торчит посреди двора как заноза, в заднице моей...

–Шо ты там такое щас сказал?

–Дорогая моя, я сказал, что он торчит как заноза в заднице всего Евросоюза.

–А что он там торчит?

–А я знаю.

–С Галкой они поругались. Вот и стоит. Она его видеть не хочет.

–Нет, ну вы посмотрите. Они имеют между собой противоречия, а весь двор не может уснуть. Если так будет продолжаться и дальше, то мы все скоро будем иметь счастье

жить в дурдоме.

—Мы итак имеем счастье жить в дурдоме.

—Я бы просил вас не обобщать свои ощущения.

—А я когда вижу вас и не думаю ничего обобщать.

—Так. Все. Прекратили, а то мне придётся поговорить, с вами обоими, и тогда мало никому не покажется.

—Слушайте, Галя.

—Да, до нее надо громче кричать. Давайте ка разом все.

— Галя, Галя.— В окне вспыхнул свет.

—Галя я знаю, вы меня слышите. Я вас умоляю, прости вы этого идиота. Он уже во всем, раскаялся. А то схватит воспаление и отправиться туда, куда нам всем не хочется торопиться. А? Галя. Родя все понял и больше так не будет. Родя скажи, что ты так больше не будешь. Галя, Родя говорит, что не будет.

Окно открылось, Галя посмотрела на Родю. Родя стоял, опустив глаза и казалось, не видел ничего, кроме пузырей, взбиваемых крупными каплями. — Родя — Сказала Галя — Иди домой. — Родя качнулся, и пошел к подъезду.

Дождь закончился. Сырой вечер пах ночными цветами. Свет в окнах гас. Двор засыпал под звуки цикад

. Недоразумение.

Она была женщина крупная, если не сказать полная, а он же напротив, маленький и щуплый. Он стоял у калитки с рюкзачком и букетом цветов. Она осмотрела его с головы до ног и сказала – Это вы, что ли Кирилл?

–Я.

–Ну, входите Кирилл – Он шагнул к калитке и наступил в коровью лепешку – Вот недоразумение – проворчала она. Он посмотрел на свой ботинок – Вон вытрите об траву – Он обтер ботинок и вошёл в дом.

–Садитесь за стол. Чаю попьем. Чай пьете?

–Да.

–Это хорошо. А водку?

–Нет.

–Вот это я уважаю, а то сразу отворот поворот. Я этого не люблю.

–И я тоже не люблю.

–Как же ты решился?

–Что, решился?

–Приехать, решился. Не многие решаются.

–А я такой, я смелый. Я вас как в первый раз увидел, ну ваше фото, так все сразу влюбился.

–Ну, так прям и сразу.

–Сразу – Она налила чай и подала ему стакан – Это ж что ж думаю я, такая женщина и одна, не порядок. Как же она без крепкого мужского плеча. Да в такой глухомани.

–Ну, простите, какая ж это глухомань, до города полчаса на автобусе.

–Ну, так я и говорю, город рядом, а съездить не с кем.

–Ну, почему ж не с кем у меня соседи хорошие.

–Вот и я говорю, соседи хорошие, город рядом. Зачем же вы объявление о знакомстве подавали?

–Ну, так ведь хочется человека рядом, родного, хорошего, чтоб как за каменной стеной. Настоящего мужчину. Вы меня понимаете.

–А как же это вы в самую точку. Я для вас буду как крепость, как форд пост – Он стукнул кулаком по столу, стакан упал и чай пролился ему на штаны. Он закричал, вскочил на стул.

–Снимайте скорее штаны – Он спустил штаны, она закрыла лицо руками – Ой нет. Нет. Не снимайте – Он натянул опять штаны – Вы это сметанкой, сметанкой его – И она дала ему упаковку со сметаной. Он выдавил в штаны всю сметану.

Погасив пожар, он успокоился.

–Это ж надо такая неприятность.

–Ничего до свадьбы заживет – Сказал он и посмотрел на нее. Она улыбнулась.

–Должно зажить. А то какая ж это будет свадьба.

–Это точно.

Вечер смотрел в окна и манил их свежей прохладой и запахами ночных цветов.

-А пойдёте в сад. Там так хорошо.

-А вы знаете, я с вами хоть на край света. Мне с вами все хорошо.

-Они вышли в сад и сели на скамейку.

-Вы любите природу

-Обожаю.

-А ночную прохладу, луну? – Она вздохнула полной грудью и прямо перед его носом поднялись два больших полу-овала сверкающие своей белизной в лунном свете.

-Если сказать честно, то очень люблю особенно лу... лу... луны. Когда они... он очертил в воздухе две окружности.

-Это вы сейчас на, что намекаете?

-На луны...

-Это, какие такие луны? Я женщина порядочная и такого к себе отношения не потерплю. Я за это, вот видел – И она скрутила перед его носом огромный кулак. Кулак был большой и тяжелый.

-Что вы я и не думал, так просто к слову пришлось.

-А вы следите за словами, что б ни приходилось.

-Теперь буду следить.

-То-то. Ладно, вы не бойтесь это у меня юмор такой.

Она откинулась на спинку скамейки и потянулась.

—

—Господи, какая благодать.

—Да.

—Чувствуете, какая свежесть?

—Да.

Какие запахи?

—Да.

—Сядьте ком не ближе — Он подвинулся к ней — А это небо, до него можно достать рукой. Вы ощущаете эту близость — Последние слова она прошептала ему на ухо, касаясь его мочки горячими губами.

—Да.

—Что вы раздакались? Да, да, да... Мне холодно, накройте меня пледом.

—А где его взять?

—Вы мужчина или что? В доме на стуле.

—Да, то есть, нет, я сейчас — И он ушел в дом.

—Господи, что ж мужики то такие пошли. Никакого понимания. Как будто перед ним не женщина. А пустое место. Ну, где вы там пропали?

—Я в доме — Послышался звон разбитой посуды.

—Ну, то, что вы в доме это я уже слышу. А вот, что вы там расколотили, это я даже представить себе боюсь.

—Нашел. Несу.

—Ну, слава богу, хоть с этим справился.

—Вот — Он вышел во двор, держа в руках банное полотенце.

—Что это вы мне несете?

—Плед.

—А вы плед от банного полотенца отличить не можете?

—Простите, там было темно, и я взял первое, что попало мне под руку.

—Хорошо, что это еще был не утюг.

—А, утюга там не было.

—Ну, слава богу, а то бы вы притащили и его.

—А, что нужно было...

—Нет. Давайте сюда уж полотенце.

—Ни как не привыкну к вашему чувству юмора.

—А я никак не привыкну, что все время с вами шучу. Ладно, садитесь уже.

—Ага.

—А, что вы там расколотили?

—Не знаю там темно, что то упало, когда я искал выключатель.

—Твою мать, праздничный сервис.

—Я все возмещу.

—Да сидите уж.

—Сижу.

—А что вы сидите?

—А что встать?

—Да куда вставать? Вы вот, что. Делайте уже, что ни будь.

А то я вам этот сервис никогда не прощу.

—А что делать?

—Господи. Обнимите меня для начала.

—А, что так можно?

—Ну не так что бы очень...

—Хорошо я не буду.

—Да обнимайте уже... — И она положила его руку к себе на плечи.

Они сидели в обнимку, на небе появились первые звезды.

—Господи, красота, то какая.

—Да.

—Что да?

—То есть, нет. Я хотел сказать красиво тут у вас.

—А у вас?

—Что у нас?

—Это я вас спрашиваю, что у вас?

—А у нас? У нас тоже красиво.

—Да?

—Но, не так как у вас.

—Ну, прижмите меня крепче. Ну. Да, что вы все время ёрзаете. Точно у вас шило в одном месте.

—Нет, никак нет шила.

—А что тогда?

—Я в туалет хочу.

–Тьфу, ты господи, ну идите. Только свет не включайте.

–Ага, я мигом – Убегает. И тут же возвращается – А как же я это, без света то?

–А черт, действительно, без света я вас никак туда пустить не могу.

–А что ж делать то мне – Он мялся, сводя ноги.

–А вы давайте вон туда, в кустики.

–Ага, я сейчас я мигом.

–Да уж не торопись, я подожду – Он скрылся в темноте.
Через мгновение раздался крик.

–Помогите.

–Что случилось?

–Он меня держит.

–Кто держит?

–Куст.

–Какой куст?

–Не знаю, а нет, знаю это ежевика.

–А что ж вас в ежевику понесло?

–Да тут темно было.

–Ну, выходите уже оттуда.

–Я не могу, он мне тут все разодрал. Я истекаю кровью.
Спасите меня.

Через полчаса его увезла скорая.

-Вот недоразумение – Думала она, глядя как исчезают в

темноте огни скорой помощи

Простая история.

Дорога шла мимо спелой пшеницы, и утопала в бескрайних жёлтых полях. Серые, потрескавшиеся комья земли, были пронизаны сухими тонкими стебельками. Тёмные трещины тянулись вдоль дороги, расходясь на маленькие, сухие ручейки, наполненные пылью. Весь в масляных пятнах и насквозь пропавший соляркой, трактор стоял посреди дороги, уткнувшись, ржавым капотом в канаву, заросшую тёмно-зелёной травой. Лёшка сидел под деревом, жевал зелёный стебель, смотрел на белые облака, бегущие по синему бескрайнему небу. И думал – Вот они белые, чистые бегут себе по небу и ни что их не беспокоит. А человеческая жизнь как земля, сначала она сырая, наполненная влагой, и пронизанная множеством жизней. Больших и малых. А потом, пройдут годы, и станет она как эти сухие комья, потрескавшиеся и не нечто не годные. – Лёшка посмотрел на трактор. – Или вон как этот трактор, отбегал своё и умер, прям как человек. Так и я когда-нибудь. А что останется? Ничего. Всё тлен. Впрочем, если, к примеру, жениться, детей завести. Тогда память обо мне в детях жить будет. Меня уже не будет, а всякий на детей посмотрит и скажет это Алексича, сразу видно. А потом на внуков перейдёт, на правнуков, и так далее. Пройдут десятилетия, а какой-нибудь праправнук будет

говорить, что, дескать, жил на земле Алексей прародитель наш, великий был человек. Да, сильно и благородно. Даже гордость чувствую за себя. Дело за малым невесту нужно хорошую, что бы ни было мучительно больно за неверно сделанный выбор.

Из-за пригорка выскочила серая нива, и, оставляя за собой клуб пыли, помчалась к трактору. Она затормозила возле трактора. Дверь открылась, и, из машины вышел человек.

– Ты что тут прохлаждаешься?

– А шо?

– Тебя люди ждут.

– Подождут.

– Что значит подождут.

– А то и значит, что отбегалась моя коняга. Всё конец ей. – Он кивнул на трактор.

– Что такое?

– Заклинило. Всё. Nil permanet sub sole. Что значит, ничто

не вечно под солнцем.

– Ты мне ещё тут пофилософствуй. Я разберусь.— Он хлопнул дверью, и нива понеслась назад.

– Разбирайся. – Алексей сплюнул, и растянулся на зелёном ковре. – Вот бы сейчас на речку, искупнуться, да с удочкой посидеть. Или раков надрать. А вечером за пивком смотреть – Он посмотрел на свой трактор. – Впрочем, мотаться теперь уже не на чем. Он с тоской посмотрел туда, где синяя река спокойно текла, огибая серое здание фермы. А ведь Машка сейчас там, на ферме. И шо вчера вечером артачилась? Играет со мной. Как кошка с мышкой. Ну, ничего я тоже не лыком шит. Со мной не забалуешь. Сейчас бы молочка свежего. Да на речку с Машкой. Так нет же, сиди тут, жди, пока буксир пришлют. – И он с грустью посмотрел на трактор. – А с другой стороны, сейчас все трактора в поле. Раньше пяти и ждать нечего. А если тут оврагом пройти, так я там, через полчаса буду. – Лёшка встал и зашагал к оврагу. Тропинка провела его через овраг и вывела к ферме. Он вошёл в здание. Там было пусто и прохладно. Пахло навозом. Он прошёл к подсобному помещению и открыл дверь. За широким столом сидели девчата.

– Ой, Машка, глянь, тракторист твой пришёл. – Рыжая, девчонка, усыпанная веснушками, посмотрела на Лёшку.

– Маша, выть ко мне. – Она встала и пошла к нему.

– Что тебе?

– Молока хочу.

– Тебе тут что? Супермаркет?

– Да ладно тебе. Жалко, что ли? – Он съёжился как воробей.

Ладно, сейчас. Я себе оставляла. А так-то уже всё молоко вывезли. Раньше надо было. – Она ушла. Девчата смотрели на него и шептались.

– Лёш, иди к нам, мы тебе другую девку найдём, получше Машки.

– Ой, девочки, что вы Машка его крепко привязала, вон он как бычок на привязи за нею ходит. М-м-м дай Машка молочка.– Они рассмеялись, а Лёшка отвернулся.

– Ладно вам, смущать парня – Сказала Машка – Своих парней, заведите и смущайте.

– Ишь ты заступница. Ладно, забирай своего Лёшку, да держи крепче, а то уведём.

– На, пей. – Лёшка пил молоко. Оно текло по губам, капая на майку.

– Ой, ты господи, по усам текло, а в рот не попадало.

– Чего дразнишься? – Он отдал банку – Пойдём на речку, искупнёмся?

– Ты что, ошалел? – А, что?

– Всё равно ничего не делаешь.

– А ты, что не на тракторе?

– Он у меня в поле стал, не сдвинуть. А буксир раньше пяти не придёт.

– Ладно. Тётя Нина, можно я на речку сбегая, искупаюсь.

– Ох уж эти ваши купания. Ладно, только, что б к четырём была на месте.

– Хорошо.

Они шли зелёной тропой окружённые стрекочущим хором. Лёшка скинул обувь и пошёл босиком. Трава была упругая и нежная, она упиралась в ноги и ласково щекотала их. Прямо как Машка – Подумал он и посмотрел на неё. – Такая же упрямая и ласковая. Интересно, а какой Машка женой будет? – И он снова посмотрел на неё. Она повернулась к нему.

– Ну чего смотришь? Хочешь чего?

– Нет, так просто.

– Лёш, а ты зачем за мной бегаешь?

– Я не бегаю, ещё чего.

– Да, чего ты по вечерам ко-мне таскаешься? Влюбился?

– Ещё чего. Мне если хочешь знать ещё не время об этом думать.

– Да я вижу, вон молоко на губах ещё не обсохло. – Она рассмеялась. – Дай оботру. Залился как поросёнок, а туда же рассуждает. Не вертись. А что тебе во мне совсем ничего не нравится?

– У тебя руки нежные.

– А ещё?

– Ещё ты добрая.

– Это хорошо. А замуж меня возьмёшь?

– Что это вдруг?

– Да ничто, шучу я. Ай да кто быстрее до того берега.

Они сбросили одежду и, разорвав голубую линию, захлопали руками по воде. Уже потом, когда вода успокоилась, и они лежали на песке. Лёшка спросил – Маш, а что для тебя, ну эта семейная жизнь?

– Это когда муж умный и красивый. Чтоб работающий был, не пустозвон какой. Любил бы меня, а я ему за это детишек бы нарожала.

– А за такого как я пошла бы?

– Я же сказала, что б умный был, а ты дурак ещё совсем.

– Что, сразу, дурак то?

– Да ладно, шучу я. Пошла бы, если б позвал.

– А если я позову?

–А ты позови.

–Смотри, пацаны раков дерут. Пойдём и мы?

–Сейчас, я руки, а бы, куда не сую.

–А я пойду. Вечером раков наварим.

Лёшка вскочил и понёсся к реке. Стоя покалено в воде, мальчишки шарили руками под водой. Простая история.

Дорога шла мимо спелой пшеницы, и утопала в бескрайних жёлтых полях. Серые, потрескавшиеся комья земли, были пронизаны сухими тонкими стебельками. Тёмные трещины тянулись вдоль дороги, расходясь на маленькие, сухие ручейки, наполненные пылью. Весь в масляных пятнах и насквозь пропавший соляркой, трактор стоял посреди дороги, уткнувшись, ржавым капотом в канаву, заросшую тёмно-зелёной травой. Лёшка сидел под деревом, жевал зелёный стебель, смотрел на белые облака, бегущие по синему бескрайнему небу. И думал – Вот они белые, чистые бегут себе по небу и ни что их не беспокоит. А человеческая жизнь как земля, сначала она сырая, наполненная влагой, и пронизанная множеством жизней. Больших и малых. А потом, прой-

дут годы, и станет она как эти сухие комья, потрескавшиеся и не нечто не годные. — Лешка посмотрел на трактор. — Или вон как этот трактор, отбегал своё и умер, прям как человек. Так и я когда-нибудь. А что останется? Ничего. Всё тлен. Впрочем, если, к примеру, жениться, детей завести. Тогда память обо мне в детях жить будет. Меня уже не будет, а всякий на детей посмотрит и скажет это Алексича, сразу видно. А потом на внуков перейдёт, на правнуков, и так далее. Пройдут десятилетия, а какой-нибудь праправнук будет говорить, что, дескать, жил на земле Алексей прародитель наш, великий был человек. Да, сильно и благородно. Даже гордость чувствую за себя. Дело за малым невесту нужно хорошую, что бы ни было мучительно больно за неверно сделанный выбор.

Из-за пригорка выскочила серая нива, и, оставляя за собой клуб пыли, помчалась к трактору. Она затормозила возле трактора. Дверь открылась, и, из машины вышел человек.

— Ты что тут прохлаждаешься?

— А шо?

— Тебя люди ждут.

— Подождут.

— Что значит подождут.

— А то и значит, что отбегалась моя коняга. Всё конец ей. —

Он кивнул на трактор.

— Что такое?

–Заклинило. Всё. Nil permanet sub sole. Что значит, ничто не вечно под солнцем.

–Ты мне ещё тут пофилософствуй. Я разберусь.– Он хлопнул дверью, и нива понеслась назад.

–Разбирайся. – Алексей сплюнул, и растянулся на зелёном ковре. – Вот бы сейчас на речку, искупнуться, да с удочкой посидеть. Или раков надрать. А вечером за пивком смотреть – Он посмотрел на свой трактор. – Впрочем, мотаться теперь уже не на чем. Он с тоской посмотрел туда, где синяя река спокойно текла, огибая серое здание фермы. А ведь Машка сейчас там, на ферме. И шо вчера вечером артачилась? Играет со мной. Как кошка с мышкой. Ну, ничего я тоже не лыком шит. Со мной не забалуешь. Сейчас бы молочка свежего. Да на речку с Машкой. Так нет же, сиди тут, жди, пока буксир пришлют. – И он с грустью посмотрел на трактор. – А с другой стороны, сейчас все трактора в поле. Раньше пяти и ждать нечего. А если тут оврагом пройти, так я там, через полчаса буду. – Лёшка встал и зашагал к оврагу. Тропинка провела его через овраг и вывела к ферме. Он вошёл в здание. Там было пусто и прохладно. Пахло навозом. Он прошёл к подсобному помещению и открыл дверь. За широким столом сидели девчата.

–Ой, Машка, глянь, тракторист твой пришёл. – Рыжая, девчонка, усыпанная веснушками, посмотрела на Лёшку.

–Маша, выть ко мне. – Она встала и пошла к нему.

–Что тебе?

–Молока хочу.

–Тебе тут что? Супермаркет?

–Да ладно тебе. Жалко, что ли? – Он съёжился как воробей.

Ладно, сейчас. Я себе оставляла. А так-то уже всё молоко вывезли. Раньше надо было. – Она ушла. Девчата смотрели на него и шептались.

–Лёш, иди к нам, мы тебе другую девку найдём, получше Машки.

–Ой, девочки, что вы Машка его крепко привязала, вон он как бычок на привязи за нею ходит. М-м-м дай Машка молочка.– Они рассмеялись, а Лёшка отвернулся.

–Ладно вам, смущать парня – Сказала Машка – Своих парней, заведите и смущайте.

–Ишь ты заступница. Ладно, забирай своего Лёшку, да держи крепче, а то уведём.

–На, пей. – Лёшка пил молоко. Оно текло по губам, капая на майку.

–Ой, ты господи, по усам текло, а в рот не попадало.

–Чего дразнишься? – Он отдал банку – Пойдём на речку, искупнёмся?

–Ты что, ошалел? – А, что?

–Всё равно ничего не делаешь.

–А ты, что не на тракторе?

–Он у меня в поле стал, не сдвинуть. А буксир раньше

пяти не придёт.

—Ладно. Тётя Нина, можно я на речку сбегаяю, искупаюсь.

—Ох уж эти ваши купания. Ладно, только, что б к четырём была на месте.

—Хорошо.

Они шли зелёной тропой окружённые стрекочущим хором. Лёшка скинул обувь и пошёл босиком. Трава была упругая и нежная, она упиралась в ноги и ласково щекотала их. Прямо как Машка — Подумал он и посмотрел на неё. — Такая же упрямая и ласковая. Интересно, а какой Машка женой будет? — И он снова посмотрел на неё. Она повернулась к нему.

— Ну чего смотришь? Хочешь чего?

—Нет, так просто.

—Лёш, а ты зачем за мной бегаешь?

—Я не бегаю, ещё чего.

—Да, чего ты по вечерам ко-мне таскаешься? Влюбился?

—Ещё чего. Мне если хочешь знать ещё не время об этом думать.

—Да я вижу, вон молоко на губах ещё не обсохло. — Она рассмеялась. — Дай оботру. Залился как поросёнок, а туда же рассуждает. Не вертись. А что тебе во мне совсем ничего не нравится?

—У тебя руки нежные.

—А ещё?

–Ещё ты добрая.

–Это хорошо. А замуж меня возьмёшь?

–Что это вдруг?

–Да ничто, шучу я. Ай да кто быстрее до того берега.

Они сбросили одежду и, разорвав голубую линию, захлопали руками по воде. Уже потом, когда вода успокоилась, и они лежали на песке. Лёшка спросил – Маш, а что для тебя, ну эта семейная жизнь?

–Это когда муж умный и красивый. Чтоб работающий был, не пустозвон какой. Любил бы меня, а я ему за это детишек бы нарожала.

–А за такого как я пошла бы?

–Я же сказала, что б умный был, а ты дурак ещё совсем.

–Что, сразу, дурак то?

–Да ладно, шучу я. Пошла бы, если б позвал.

–А если я позову?

–Есть.

–Тащи.

–Ух ты здоровый какой. – Мальчишка махнул рукой, и рак шлёпнулся на траву. – Маш, иди, подбирай, а то расползутся. – Лёшка вытащил рака, и швырнул на берег.

–Аккуратнее смотри. Если нора пошла наверх, руку туда не суй.

–Да ладно знаем. – И ещё один усатый полетел в траву.

Вскоре три десятка раков шевелились в густой траве.

–Лёшка, хватит. Мы в чём их нести будем?!

–Ага, последнего зацеплю, и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.